

КОГДА РУХНУЛ НАШ МИР

Анастасия Вежина

18+

Анастасия Вежина
Когда рухнул наш мир

«Автор»

2025

Вежина А.

Когда рухнул наш мир / А. Вежина — «Автор», 2025

Двадцать лет брака. Двое детей. Успешный бизнес. Он думал, я прощу. Свекровь думала, я сломаюсь. Дети, выбравшие его деньги, думали, что я сдамся. Они все ошиблись. Меня зовут Анастасия Покровская, и я заберу все, что принадлежит мне по праву. Чтобы отвлечься от войны, я улетела в Сибирь — в самое сердце холода и чужого мира. И там, на краю земли, встретила его. Глеб Громов. Суровый. Прямой. Мужчина, который одним взглядом видит все мои трещины. У него свои демоны и семья, готовая разорвать любую чужачку из Москвы. Две сломленные души. Один шанс на счастье. И война на два фронта, в которой проиграть — значит потерять себя окончательно.

© Вежина А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	31
Глава 9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Когда рухнул наш мир

Глава 1

Анастасия

Я смотрю на часы — очередной дорогой подарок от мужа — и понимаю, что время нашего брака истекло. Двадцать лет назад я бы расплакалась от счастья. Сегодня я едва сдерживаю зевок.

— Нравятся? — Андрей наклоняется через стол, и от его одеколona слегка подташнивает. Тот же запах уже десять лет. — Менеджер в бутике сказал, эта модель только для особенных дам.

«Менеджер хорошо зарабатывает на таких мужьях», — думаю я, но киваю с улыбкой. В ресторане на сорок втором этаже полагается улыбаться. Здесь все отлично: панорамные окна, свет свечей, официанты в белых перчатках. Только почему мне так холодно?

— Спасибо, Андрей. Очень красивые. — Слова выходят правильные, отрепетированные за годы таких же ужинов. Я застегиваю часы на запястье, металл холодит кожу.

Он довольно откидывается в кресле, заказывает шампанское. Официант появляется мгновенно — в заведениях такого уровня всегда так. Андрей ощущает себя королем. Богатый, успешный, красивая жена, совместный бизнес. Что еще нужно для счастья?

А мне нужно понять, когда я перестала любить этого человека.

Вернее, когда перестала обманывать себя. Признаки были — новый одеколон полгода назад, «срочные командировки» по выходным, телефон, который он теперь никогда не оставляет без присмотра. Но я делала вид, что не замечаю. Занятые люди имеют право на личное пространство, правда?

— За нас, любимая. — Он поднимает бокал, глаза блестят. — За двадцать лет брака. За то, что мы смогли построить.

Я пью шампанское, пузырьки щекочут язык. «Мы построили»? Я помню, как в девятые таскала папки с документами, пока он «налаживал связи» в барах. Как сидела с младенцами по ночам, а он спал, потому что ему «завтра на важную встречу». Как вкладывала отцовские деньги в наше первое агентство недвижимости, а Андрей ставил печать и чувствовал себя основателем империи.

— Анастасия? — Он смотрит на меня с легким беспокойством. — Ты не слушаешь.

— Слушаю. — Я улыбаюсь шире. — Думаю о нашем пути.

— Мы многого добились. — Андрей берет мою руку. Его ладонь мягкая, ухоженная. Когда-то эти прикосновения вызывали дрожь. Теперь я чувствую только влажность его пальцев. — Помнишь, как начинали? Одно агентство, крошечный офис...

Он рассказывает нашу историю в своей версии. В ней он герой, я — верная спутница. Дети появляются мимоходом, мои бессонные ночи не упоминаются. Мой отец, который дал нам стартовый капитал и связи, превращается в «доброего советчика».

Я киваю, играю роль благодарной жены. А сама думаю о том, как сегодня утром он даже не поцеловал меня. Как вчера снова «задержался на работе». Как в последний раз мы занимались любовью... не помню когда.

— ...поэтому я думаю, нам стоит больше времени проводить вместе, — заканчивает Андрей свою речь.

Сердце екает. Может, он тоже это чувствует? Может, мы еще можем...

— Что ты имеешь в виду? — Я наклоняюсь ближе, впервые за вечер искренне заинтересованная.

— Ну... — Он чешет за ухом, жест знакомый с молодости. — Можем ездить вместе на дачу по выходным. Или я куплю путевки в хороший санаторий. Тебе нужно отдохнуть, любимая. Последнее время ты какая-то напряженная.

Санаторий. Путевки. Как будто я больная, которой нужно лечение, а не жена, которой нужна любовь.

— А может, просто поговорим? — Слова вырываются сами собой. — Когда мы в последний раз разговаривали? По-настоящему?

Андрей хмурится, будто я говорю на незнакомом языке.

— О чем говорить? У нас все хорошо. Бизнес процветает, дети растут, дом полная чаша...

— О нас, Андрей. О том, что мы чувствуем. О том, чего хотим. О том, счастливы ли мы.

Он смотрит на меня так, словно я предложила раздеться посреди ресторана. Неловкость, непонимание, легкое раздражение.

— Анастасия, ты странно говоришь. — Он допивает шампанское, избегая моего взгляда. — Конечно, мы счастливы. Посмотри вокруг — у нас есть все, о чем можно мечтать.

Есть все, кроме любви. Кроме близости. Кроме простого человеческого тепла.

Его телефон загорается на столе экраном вверх. Сообщение. Я читаю автоматически: «Скучаю по тебе, мой тигр. Милана».

Мир останавливается.

Тигр. Как ласково.

Андрей хватает телефон, но поздно. Наши глаза встречаются. В его — паника, в моих — ледяное спокойствие.

— Это... — Он судорожно ищет объяснение. — Клиентка. У нее такое чувство юмора.

Я молчу. Смотрю на этого незнакомого мужчину с паникой в глазах и понимаю: наш брак закончился не сегодня. Он умер давно, просто я не решалась посмотреть на труп.

— Конечно, — говорю я тихо. — Клиентка.

И улыбаюсь. Потому что вдруг становится так просто. Так понятно.

Двадцать лет. Время истекло.

Глава 2

Андрей

Утром жена молчит. Сидит за кухонным столом, пьет кофе, листает какие-то документы. Не смотрит на меня. Вчера в ресторане тоже было странно — все эти разговоры о чувствах, о том, счастливы ли мы. Зачем усложнять? У нас все хорошо.

Ну, почти все.

И почему она так внимательно на меня смотрела последние недели? Будто изучала. Раньше такого не было.

Из своей комнаты выглядывает Лиза, наша четырнадцатилетняя дочь.

— Мам, можно я сегодня у Даши ночевать останусь? — спрашивает она, надеясь на хорошее настроение.

Анастасия даже не поднимает головы от бумаг.

— Лиза, не до тебя сейчас, — бросает она холодно.

Дверь в детскую тут же захлопывается. Я вздыхаю. Напряжение в доме можно резать ножом.

— Настя, — пытаюсь я, наливая себе кофе. — Может, поедem сегодня на дачу? Погода хорошая.

Она поднимает голову. Смотрит так, будто видит меня насквозь.

— У меня дела. — Голос ровный, без эмоций. — А у тебя разве нет встреч по субботам?

Встреч... Да, обычно по субботам я... Сердце пропускает удар. Она что-то подозревает? Но как? Я же осторожен.

— Никаких встреч. — Я сажусь рядом, протягиваю руку к ее плечу. — Хочу провести время с семьей.

Анастасия отстраняется. Не резко, но достаточно ясно.

— Дети тоже уходят? — спрашиваю я, кивая в сторону комнаты Лизы.

— Да. Егор уже ушел. Лиза сейчас собирается. Будем одни до вечера.

Мы одни. Раньше это означало... многое. Теперь только неловкое молчание.

Телефон звонит. Мама. В субботу, в девять утра. Конечно.

— Андрей! — Голос Тамары Борисовны перекрывает все звуки кухни. — Ты почему не отвечаешь на мои сообщения?

— Мам, доброе утро. Я спал еще.

— Спал? В девять утра? Настоящие мужчины в это время уже делами занимаются. Твой отец, царство ему небесное, в шесть вставал.

Я краем глаза вижу, как Анастасия закатывает глаза. Она терпеть не может, когда мама сравнивает меня с отцом. Но что я могу сделать? Тамара Борисовна всегда считает, что знает лучше.

— Слушай меня внимательно, — продолжает мама. — Вчера была у Людмилы Петровны, она говорит, твоя жена документы запрашивала. У Людмилы Петровны племянница в МФЦ работает, так что мимо нее мышь не проскочит. Я ее давно просила за Настей приглядывать.

Что? Я смотрю на Анастасию. Она делает вид, что читает.

— Мам, может, это для работы...

— Для работы? — Мама фыркает. — Андрей, ты совсем дурак? Зачем ей документы на семейную квартиру для работы? Она что-то затевает. Я же говорила — рано или поздно ее истинная натура проявится.

— Мама, не говори так о жене.

— О жене? — Голос становится ядовитым. — Которая двадцать лет тебя пилит? Которая детей настраивает против бабушки? Которая считает себя умнее всех?

Я чувствую, как у меня горят уши. Анастасия поднимается, уходит в гостиную. Ее спина прямая, напряженная.

— Мам, давай не будем...

— Не будем? А кто будет? Ты? — Смех горький. — Ты же всю жизнь меня не слушаешь. А потом приползаешь, когда жизнь по голове стукнет. Помнишь, как в институте с той Светкой связался? Я же предупреждала — не твоего уровня девка.

Да, помню. Мама тогда устроила такой скандал, что Светлана сама ушла. Потом был такой же скандал с работой, которую я хотел, с друзьями, которые ей не нравились. И с Анастасией тоже был скандал. Но Настя не ушла — выдержала, доказала.

А теперь мама опять недовольна.

— Приезжай сегодня, — приказывает она. — Поговорим серьезно. Я борщ сварила, любимый твой.

— Мам, я с семьей хотел время провести...

— С семьей? — Хохот. — Которая документы на квартиру запрашивает? Андрей, очнись. Пора действовать, пока не поздно.

Она бросает трубку. Я сижу, сжимая телефон, чувствую, как сердце колотится. Документы на квартиру... Что это может значить?

Анастасия возвращается, берет сумку.

— Я в офис, — говорит она. — Не жди меня.

— Настя, подожди. — Я встаю. — Мама сказала, ты документы какие-то запрашивала... Она останавливается. Медленно поворачивается. В глазах что-то новое. Что-то пугающее.

— И что?

— Ну... зачем тебе документы на нашу квартиру?

— Для справки. — Голос ледяной. — Разве я не имею права знать, что у нас есть?

— Конечно, имеешь, но...

— Но ты сразу побежал к мамочке жаловаться? — Она смеется, но смех страшный. — Как всегда.

Дверь захлопывается. Я остаюсь один на кухне, с остывшим кофе и тяжестью в груди.

Мама права. Что-то происходит. Анастасия меняется. Вчера эти странные вопросы про счастье, сегодня ледяное молчание. А документы...

Я достаю телефон, набираю знакомый номер.

— Тигр! — Голос Миланы как глоток свежего воздуха. — Соскучилась! Когда увидимся?

— Сегодня, — говорю я, и сразу становится легче. — Скоро приеду.

— Ура! Я приготовлю сюрприз.

Милана никогда не спрашивает про документы. Не закатывает глаза, когда я разговариваю с мамой. Не читает мне лекции про чувства. Она просто любит меня. Просто, без условий.

Как должна любить жена.

Я быстро одеваюсь. Если Анастасия спросит — скажу, к маме поехал. Технически это не ложь. Сначала к маме, потом к Милане. Мама даст мудрый совет, как всегда. А Милана подарит тепло, которого мне не хватает дома.

Выхожу из дома, сажусь в машину. В зеркале заднего вида мелькает окно нашей квартиры. Анастасии нет — она не смотрит, куда я уезжаю.

А зря. Потому что сегодня все изменится.

Глава 3

Анастасия

Утром, пока муж куда-то уезжал, я пришла в офис. Не могу сосредоточиться. Сажу перед компьютером, делаю вид, что работаю с договорами, а сама думаю о вчерашнем сообщении. «Скучаю по тебе, мой тигр». Милана.

Двадцать лет брака приучили меня не задавать лишних вопросов. Задержался на работе — значит, много дел. Новый одеколон — значит, хочет нравиться клиентам. Странные звонки — важные переговоры. Я была идеальной женой, которая умеет не замечать очевидное.

Но вчера что-то сломалось. Может, дело в том, как он схватил телефон. Или в панике в глазах. А может, просто двадцать лет — это срок, после которого ложь начинает пахнуть.

Телефон звонит. Андрей.

— Любимая, — голос слишком бодрый. — Еду к маме. Она борщ сварила.

Ложь. Я это знаю с той же достоверностью, с какой знаю свое имя. В голосе нет раздражения, которое всегда появляется, когда он действительно едет к Тамаре Борисовне. Наоборот — предвкушение.

— Хорошо, — отвечаю спокойно. — Передавай привет.

— Конечно. Вернусь поздно, не жди.

Не ждать. Как удобно.

Я кладу трубку и понимаю: сегодня я узнаю правду. Не потому, что хочу — потому что должна. Двадцать лет жизни требуют честного ответа.

Выхожу из офиса, сажусь в машину. Набираю номер, который за последний месяц выучила наизусть. Это частный детектив, которого я наняла, когда подозрения стали невыносимыми, а прямых доказательств не было.

— Сергей Игоревич? Это Покровская. Он поехал. Судя по всему, к ней. Можете отследить его по трекеру и сообщить мне адрес?

Десять минут я просто сажу за рулем, глядя в никуда. Потом телефон вибрирует. Короткое СМС: «Кутузовский проспект, район Дорогомилово».

— Спасибо, — шепчу я в пустоту и завожу машину. Еду по указанному адресу. Сердце стучит ровно, руки не дрожат. Я удивляюсь собственному спокойствию. Наверное, так чувствуют себя хирурги перед сложной операцией — все эмоции отключаются, остается только необходимость точно сделать свою работу.

Припарковываюсь в соседнем дворе, иду пешком. Вижу его машину у подъезда хрущевки. Обычный дом, обычный район. Ничего особенного.

Жду.

Через полчаса выходит Андрей. И с ним девушка. Молодая, года двадцать два. Джинсы с дырками, короткая куртка, длинные волосы. Хорошенькая, но дешево одетая. Провинциальная красота — яркая, без полутонов.

Милана. Должно быть, именно она.

Они идут к машине, и я вижу, как Андрей кладет руку ей на поясницу. Собственнический жест. Привычный. Этой связи не месяц и не два.

Садятся в машину. Еду следом.

Они направляются в центр. Я понимаю куда еще до того, как они поворачивают на нашу улицу.

Домой. Он ведет ее в наш дом.

Сердце сжимается. После вчерашнего вечера Андрей, видимо, потерял всякую осторожность. Или Милана настояла — хотела увидеть, где живет ее любовник. А может, он просто

решил показать ей «свои владения» — мужчины любят хвастаться перед молодыми женщинами. К тому же дети до вечера у друзей, я якобы на работе. Идеальное время для глупости.

Паркуюсь на другой стороне улицы, в тени деревьев, откуда хорошо виден фасад нашего дома. Жду. Вот он, открывает перед ней дверь подъезда. Они на мгновение задерживаются в освещенном холле и скрываются внутри. Я не отрываясь смотрю на темные окна нашей квартиры. Считаю этажи: раз, два, три... семь. Проходит ровно столько времени, сколько нужно старому лифту, чтобы подняться. Минута, которая длится вечность. И вот. Прямоугольник нашей спальни вспыхивает теплым, предательским светом.

Седьмой этаж. Наша квартира. Наша спальня.

Двадцать лет назад я выбирала обои для этой спальни. Десять лет назад мы делали ремонт, и я лично заказывала эту кровать. Пять лет назад я покупала это постельное белье.

А сегодня мой муж приводит туда другую женщину.

Сажу в машине еще двадцать минут. За это время мир не меняется — те же дома, те же прохожие, то же серое октябрьское небо. Изменилась только я. Та Анастасия, которая утром пила кофе на кухне, умерла. Родилась другая.

Выхожу из машины, достаю ключи. Иду к подъезду.

В лифте смотрю на себя в зеркале. Лицо спокойное, макияж не смазался, волосы на месте. Спокойная жена едет к себе домой.

Седьмой этаж. Открываю дверь своими ключами.

В прихожей женские туфли. Дешевые, на высоком каблуке. Размер тридцать седьмой — на два меньше моего. И мужские ботинки Андрея, небрежно сброшенные рядом.

Иду по коридору. Из спальни доносятся звуки. Знакомые и чужие одновременно. Я не слышала их в этой спальне уже давно.

Останавливаюсь у двери спальни. Она неплотно закрыта.

Женский смех. Голос Андрея, нежный и страстный: «Моя девочка...»

Эти слова он говорил мне. Когда-то. В другой жизни.

Стоя у двери своей собственной спальни, я понимаю: это конец. Не только измена — это предательство всего, во что я верила. Всего, что строила. Всего, чем жила.

Достаю телефон. Включаю камеру.

Но сначала я просто стою и слушаю. Слушаю, как рушится моя жизнь.

Звуки за дверью не оставляют сомнений в том, что происходит. Скрип кровати — той самой, которую мы вместе выбирали. Женские стоны — молодые, неопытные, но искренние. Мужской голос, хриплый от возбуждения:

— Ты такая красивая... такая тугая... Моя маленькая...

Этими словами он когда-то соблазнял меня. В другой квартире, в другой жизни. Тогда они казались особенными, предназначенными только для меня. Оказывается, у него есть заготовленный набор фраз.

Ритм ускоряется. Девочка кричит громче, без стеснения — видимо, думает, что дома никого нет. Звуки настолько откровенны, что мне становится дурно. Это моя кровать. Мои простыни. Мой муж стонет с другой женщиной там, где двадцать лет спал со мной.

— Да... да... еще... — молодой голос, задыхающийся от страсти.

— Хочешь? — хрипло спрашивает Андрей. — Скажи, как сильно хочешь...

Диалог становится все грязнее. Слова, которые он никогда не говорил мне. Фразы, которые, видимо, приберегал для молодых любовниц.

Кровать скрипит все сильнее. Женские стоны переходят в крики. Я понимаю — они приближаются к финалу. Этот кошмар скоро закончится.

— Боже... я кончаю... — визжит девочка.

— Вместе, детка... вместе...

Последний протяжный стон. Тишина. Тяжелое дыхание.

Я стою за дверью, сжимая телефон, и чувствую, как меня трясет. Не от ревности — от отвращения. От того, что этот человек, который двадцать лет делил со мной постель, способен на такое предательство.

Голоса снова. Теперь уже спокойные, довольные.

— А жена не вернется? — спрашивает девочка.

— Не вернется. Она на работе до вечера. — Андрей смеется. — Моя трудолюбивая жена всегда при деле.

Трудолюбивая. Как будто это недостаток. Как будто то, что я строила наш бизнес, растила детей, создавала этот дом — повод для насмешки.

— А если узнает? — снова девичий голос, но уже с хитринкой.

— Не узнает. Она слишком занята собой. И потом... — Пауза. — Ей некуда деваться. Дети, дом, бизнес — все общее. Она никогда не решится на развод.

Мне некуда деваться.

Эти слова больше, чем звуки их животной страсти. Он считает меня пленницей собственной жизни. Думает, что я буду терпеть все — измены, унижения, ложь — только чтобы сохранить статус замужней женщины.

Двадцать лет назад он, возможно, был прав. Тогда я была другой — молодой, зависимой, влюбленной. Тогда я действительно боялась остаться одна.

Но сегодня мне тридцать восемь. У меня есть деньги, связи, опыт. У меня есть отец, который научил меня, что достоинство важнее комфорта. И у меня есть стальная жила, которую Андрей за эти годы так и не сумел разглядеть.

Мне есть куда деваться. И я это докажу.

Проверяю звук на телефоне — он включен. Медленно нажимаю на ручку двери.

Глава 4

Анастасия

Медленно нажимаю на ручку двери. Металл холодит пальцы, как лед на сердце. Дверь открывается бесшумно — хорошие петли, я сама выбирала при ремонте. Тогда думала о комфорте семьи. Теперь благодарна за возможность застать врасплох.

Вижу их.

На нашей кровати, в нашей спальне, под семейными фотографиями на стене. Андрей и девушка, которую зовут Милана. Они настолько поглощены друг другом, что не слышат, как открывается дверь.

Поднимаю телефон. Нажимаю кнопку записи.

Время останавливается. В кадре — мой муж и его любовница на постели, которую мы покупали вместе. На простынях, которые я стирала и гладила. Под портретом наших детей, который висит на стене уже пять лет.

Щелчок затвора.

Они замирают. Поворачиваются.

Андрей бледнеет так, что я думаю — сейчас потеряет сознание. Девушка издает писк и натягивает на себя одеяло. Мое одеяло.

— Привет, дорогой, — говорю я спокойно. — Как дела у мамы?

— Настя... — Голос Андрея ломается. — Это не то, что ты думаешь...

— А что я думаю? — Делаю еще один снимок. — Я думаю, что мой муж трахает девочку в нашей кровати, пока дети у друзей. Я права?

Слово «трахает» звучит жестко, грубо. Я никогда так не говорила. Но сегодня я не та Анастасия, которая выбирала мягкие формулировки.

Андрей открывает рот, чтобы что-то сказать, но встречается с моим взглядом и понимает — игра окончена. Фотографии в моих руках стоят любых слов. Он закрывает рот.

— Анастасия Викторовна, — пищит девушка, — мы не хотели...

— Как тебя зовут? — Поворачиваюсь к ней. Голос ровный, деловой. — Полное имя для протокола.

— Милана... Милана Сергеевна Савельева.

— Возраст?

— Двадцать два.

Двадцать два года. Когда ей было два года, я уже была замужем за Андреем. Когда она шла в первый класс, я рожала нашего второго ребенка.

— Откуда?

— Из Рязанской области. Поселок Новый...

— Понятно. — Делаю заметку в телефоне. — Давно знакома с моим мужем?

Она смотрит на Андрея, ищет подсказку. Но он сидит на кровати, прикрывшись подушкой, и похож на выловленную рыбу.

— Давно, — шепчет Милана. Давно.

Месяцы лжи. Это не мимолетная слабость, не случайная ошибка. Это отношения. У них есть история, традиции, планы.

— Он рассказывал тебе обо мне? — продолжаю допрос.

— Говорил, что у вас все плохо. Что вы уже не любите друг друга.

— Интересно. — Смотрю на Андрея. — А мне он рассказывал, что любит меня. Еще вчера за ужином. Кто из нас врет, как думаешь?

Андрей наконец находит голос:

— Настя, дай мне объяснить...

— Объясняй. — Сажусь в кресло у окна, складываю руки. — Я слушаю.

Он встает, натягивает трусы. Выглядит жалко — сорокалетний мужчина в семейных трусах, которые стирала его жена.

— Это просто... случилось. Я не планировал. Она работает в нашем агентстве, мы много общались...

— В каком агентстве? — Голос становится опасно тихим.

— В Сокольническом филиале. Менеджер по продажам.

Я молчу. Считаю до десяти. Потом до двадцати.

Он трудоустроил свою любовницу в наш семейный бизнес. Три месяца назад привел ее как "талантливого специалиста из области. Теперь она получает зарплату из денег, которые мы зарабатываем вместе. Она получает проценты с продаж квартир, которые я лично отбирала для портфеля агентства.

— Продолжай, — говорю наконец.

— Она понимает меня. — Слова льются потоком, как будто он готовился к этой речи. — С ней я чувствую себя мужчиной. Она не критикует, не требует, не...

— Не работает круглосуточно, чтобы обеспечить тебе комфортную жизнь?

— Настя, ты же знаешь, как я тебя ценю...

— Ценишь. — Смеюсь. — Как антикварную вазу. Полезную и дорогую.

Встаю, подхожу к комоду. Открываю верхний ящик, достаю документы — те самые, которые запрашивала через Людмилу Петровну. Свидетельство о собственности на квартиру, договор об учреждении ООО, справки о доходах.

— Знаешь, что это? — Показываю бумаги.

Андрей качает головой.

— Это документы на нашу совместную жизнь. Квартира оформлена на меня — подарок от папы к свадьбе. Основной пакет акций агентств тоже на мне — стартовый капитал был отцовский. Машины, дача, счета в банке...

Разворачиваю бумаги, показываю цифры.

— Оказывается, юридически ты владеешь только двадцатью процентами нашего бизнеса. Остальное — мое. Интересно, да?

Лицо Андрея меняется. Из виноватого становится испуганным.

— Что ты хочешь сказать?

— Хочу сказать, что твоя любовница сидит на моей кровати, в моей квартире, работает в моей компании за мои деньги.

Поворачиваюсь к Милане:

— Милочка, собирай вещи. Через пять минут охрана будет тебя сопровождать до выхода.

— Но...

— Никаких «но». Ты уволена. Сегодня же получишь расчет и запись в трудовой. Причина — нарушение трудовой дисциплины.

Милана смотрит на Андрея. Ждет, что он ее защитит. Но Андрей молчит, переваривает информацию о том, что на самом деле ему принадлежит.

— Андрей? — голос девушки дрожит.

— Одевайся, — бормочет он. — Поговорим потом.

Потом. Как удобно — отложить проблему на потом.

Милана торопливо собирает разбросанную одежду. Джинсы, свитер, дешевое белье. Одевается, не глядя на меня. У двери останавливается:

— Анастасия Викторовна... он говорил, что вы уже давно не муж и жена. Что ваш брак — это просто... бизнес. Что вы живете как соседи, и развод — лишь формальность.

Я усмехаюсь. Холодно, без капли веселья. Какая предсказуемая ложь.

— Бизнес? — я обвожу взглядом спальню. — Мы занимаемся "бизнесом" в нашей супружеской постели? Интересная у вас бизнес-модель, Милана.

Она бледнеет, понимая, что ее жалкая попытка провалилась. Я делаю шаг в ее сторону, указывая на стену.

— Или, может, наши дети на этой фотографии — тоже часть бизнес-проекта?

Дверь закрывается. Остаемся вдвоем — я и мужчина, с которым прожила двадцать лет.

Андрей садится на край кровати, прячет лицо в ладонях.

— Что теперь будет? — спрашивает глухо.

— Теперь? — Подхожу к окну, смотрю на двор, где когда-то играли наши дети. — Теперь ты собираешь вещи и съезжаешь. До понедельника.

— Настя, не торопись с решениями. Мы можем все исправить...

— Исправить? — Поворачиваюсь к нему. Месяцы измены? Ложь? То, что ты привел ее в нашу кровать?

— Я больше не буду...

— Знаешь, в чем твоя ошибка? — Сажусь на стул, спокойно смотрю на него. — Ты думаешь, что я никуда не денусь. Что буду цепляться за статус замужней женщины.

— Разве не так?

Вопрос прямой, честный. Впервые за много лет.

— Нет, Андрей. Не так.

Достаю телефон, показываю ему фотографии.

— Эти снимки я отправлю детям, если ты попытаешься настроить их против меня. Отправлю твоей маме, если она будет лезть в наши дела. Отправлю нашим партнерам по бизнесу, если ты попробуешь устроить мне проблемы.

— Ты не сделаешь этого.

— Сделаю. — Голос железный. — Потому что я больше не твоя жена. Я твой бывший бизнес-партнер, который защищает свои интересы.

Встаю, подхожу к платяному шкафу. Достаю чемодан, бросаю на кровать.

— Собирай вещи. На первое время хватит. Остальное заберешь потом, в присутствии свидетелей.

— А дети?

— Детям скажем, что папа временно живет отдельно. Пока мы решаем, как дальше жить. Если будешь себя хорошо вести — они могут не узнать подробности.

Андрей медленно встает, подходит к шкафу. Достает рубашки, костюмы. Руки дрожат.

— Настя, может, мы еще поговорим? Спокойно, без эмоций...

— Поговорим. Через адвокатов.

— Адвокатов? — Он останавливается. — Ты уже...

— Еще нет. Но скоро займусь этим вопросом.

Пока он складывает вещи, я иду в кабинет. Достаю из сейфа документы на все наше имущество, копии банковских выписок, учредительные документы фирм. Раскладываю на столе, фотографирую каждый лист.

Если будет война — я готова.

Возвращаюсь в спальню. Андрей застегивает чемодан.

— Где я буду жить?

— В гостинице. Или у мамы. Не мое дело.

— А деньги?

— Твоя зарплата будет перечисляться на карту до тех пор, пока мы не разделим бизнес. Этого хватит на съемную квартиру.

Он берет чемодан, идет к двери. На пороге останавливается:

— Двадцать лет, Настя. Неужели это ничего не значит?

Я смотрю на него — на этого мужчину, который обманывал меня. Который привел любовницу в нашу кровать. Который считал, что я буду терпеть все ради статуса.

— Значило. Прошедшее время.

Дверь закрывается.

Я остаюсь одна в квартире, которая больше не семейная. Иду на кухню, ставлю чайник. Руки не дрожат, дыхание ровное. Удивительно — я думала, будет больше.

Но боли нет. Есть только ясность и странное чувство освобождения.

Телефон звонит. Папа.

— Настя, как дела?

— Папа, — говорю я, и вдруг голос дрожит. — Можно к тебе приехать?

— Конечно. Что случилось?

— Расскажу при встрече.

— Помнишь, ты говорил, что я в тебя пошла? Что у меня стальной характер?

Пауза.

— Помню. А что?

— Сегодня я это проверила. Оказалось — да.

Еще одна пауза. Потом папин голос, теплый и гордый:

— Молодец, дочка. Жду.

Кладу трубку, иду собирать сумку. Но руки вдруг начинают дрожать. Реакция приходит с опозданием — тело наконец понимает, что произошло.

Сажусь на диван, обхватываю колени руками. Двадцать лет. Половина жизни. Как можно просто взять и перечеркнуть половину жизни?

Но ведь именно это сделал Андрей, когда привел сюда другую женщину.

Телефон пищит. Сообщение от сына: «Мам, можем сегодня не ночевать дома? У Макса новая приставка, очень классная!»

Отвечаю: «Конечно, сынок. Развлекайтесь.»

Хорошо, что детей нет дома. Им не нужно видеть, как рушится их мир. Пока не нужно. Хотя они уже чувствуют — последние месяцы часто спрашивали, почему мы с папой мало разговариваем. Дети всегда чувствуют ложь первыми.

Еще одно сообщение, от дочери: «Мама, мы с Дашей идем в кино. Папа разрешил. Придем поздно.»

Папа разрешил. Интересно, когда он успел с ними поговорить? До встречи с любовницей или после?

Иду в детскую сына, открываю шкаф. На верхней полке стоит коробка с семейными фотографиями — те, что не поместились в рамки. Достая, открываю.

Вот мы с Андреем в загсе. Мне восемнадцать, ему девятнадцать. Я в белом платье, которое шила мама. Он в арендованном костюме. Оба счастливые, влюбленные, уверенные, что это навсегда.

Вот первая квартира — крошечная однушка, которую снимали на папины деньги. Андрей обнимает меня на фоне старого холодильника. Я беременная первым ребенком, но еще не показывается.

Вот рождение сына. Андрей держит сверток в роддоме, смотрит на него как на чудо. Тогда он был хорошим отцом. Когда это изменилось?

Вот открытие первого агентства. Мы режем красную ленточку, улыбаемся фотографу. За кадром остались бессонные ночи, когда я готовила документы, изучала рынок, искала клиентов. Андрей тогда «налаживал связи» в ресторанах.

Листаю дальше. Рождение дочери. Покупка квартиры. Отпуска, дни рождения, юбилеи. Жизнь семьи, которая казалась счастливой.

Когда я перестала быть для него женщиной и стала только деловым партнером? Когда он решил, что я ему должна, а он мне — нет?

Закрываю коробку, ставлю обратно на верхнюю полку. Эти фотографии теперь как архивные документы — свидетельство того, чего больше не существует.

Оглядываю квартиру в последний раз. Завтра здесь начнётся другая жизнь. Без меня.

Выхожу из подъезда. Первый снег октября садится на лобовое стекло, тает под дворниками. Сажусь за руль, но руки застывают на нём. Куда ехать? Не к отцу — не сейчас. Не к подругам — не хочу жалости.

Достаю телефон. Открываю приложение для бронирования. Первый попавшийся отель в центре. Не важно какой.

Завожу машину.

Двадцать лет остались позади. Впереди — только дорога и первый снег на асфальте.

Глава 5

Андрей

Сажу в машине возле подъезда. Руки на руле, но пальцы не слушаются — вибрируют мелкой дрожью, как будто по ним пропускают слабый ток. Пытаюсь сжать кожаную оплетку, но пальцы соскальзывают, влажные от пота.

В ушах звенит. Тишина в салоне какая-то неправильная, плотная, давящая на барабанные перепонки. Как будто я под водой.

Двигатель заглушен. Когда я его заглушил? Не помню. Вообще не помню, как спустился по лестнице, как открыл заднюю дверцу машины, как бросил на сиденье этот проклятый чемодан.

На заднем сиденье — один чемодан.

Я поворачиваю голову, смотрю на него. Черный "Самсонит", тот самый, что мы с Настей купили в первую заграничную поездку. Тогда мы летели в Италию, и я был так счастлив — первый настоящий отпуск после запуска агентства. Я еще шутил, что теперь мы настоящие буржуи с настоящими чемоданами.

Двадцать лет жизни умещаются в один чемодан.

Три рубашки. Джинсы. Нижнее белье. Туалетные принадлежности. Ноутбук. Зарядки. Я собирал его в каком-то лихорадочном угаре, хватая первое, что попало под руку. Открывал шкаф, выгребал вещи, запихивал их как попало.

А Настя стояла в дверях спальни, скрестив руки на груди, и смотрела.

Господи, этот взгляд.

Он преследует меня. Я закрываю глаза, но он все равно там — холодный, оценивающий. Не гневный. Не злой. Хуже. Как у врача, который смотрит на что-то мерзкое, зараженное, что нужно срочно удалить. Я встретился с ним глазами на секунду, когда тянулся за рубашками, — и мне стало физически плохо. Как будто я превратился в нечто отвратительное, недостойное даже ее гнева.

Просто мусор, который надо вынести.

Щелчки замков на чемодане до сих пор звучат в голове. Два сухих, финальных щелчка. И все.

Как это вообще произошло?

Час назад — всего час! — я лежал с Миланой в нашей кровати. В моей кровати. Тусклый октябрьский свет падал на ее плечо через приоткрытые жалюзи, она смеялась над моей шуткой про начальство, и я думал — вот оно, настоящее счастье. Вот то самое чувство, когда тебя любят просто так, не за деньги, не за статус, а за то, какой ты есть.

У меня была жена. Дом. Стабильность. И параллельная жизнь, где меня обожали, где я был героем.

Теперь у меня нет ничего.

Квартира — ее. Она купила ее на деньги отца. Или нет, отец подарил. Какая, блядь, разница? Суть в том, что я в ней чужой. Всегда был чужим.

Бизнес — в основном ее. Восемьдесят процентов. Восемьдесят! А я думал, что мы партнеры. Равные партнеры. Я же вкалывал двадцать лет! Встречался с клиентами, решал проблемы, выстраивал отношения! Да без меня ее агентство бы не выжило!

Дети...

Господи, дети.

Сердце сжимается так больно, что я хватаю ртом воздух.

Они сейчас точно выберут ее сторону. Конечно, выберут. Она же всегда была правильной. Ответственной. Той, на которую можно положиться. А я — папа-добряк, который иногда приносит подарки и рассказывает смешные истории.

Что я им скажу? Как объясню Егору, что его отец — тот самый типаж, над которым он сам недавно смеялся? «Пап, ты видел эту новость? Депутат налево ходил, жена его фотками по инету размазала. Лох, да?»

Я тогда кивнул. «Лох».

А теперь я и есть тот самый лох.

Стоп.

Стоп-стоп-стоп.

Я же ни в чем не виноват.

Вспоминаю, как неделю назад пришел домой раньше обычного. Хотел сделать сюрприз. Купил цветы — дорогие розы, те самые, которые она любит. Думал, может, поужинаем вместе, поговорим о чем-нибудь... нормальном. Не о финансовых отчетах, не о налоговых вычетах, а просто... по душам.

Она посмотрела на букет, как на неуместный реквизит.

«Зачем? У нас что, годовщина?»

«Нет, просто так. Захотел порадовать».

Она вздохнула — тяжело, как будто я ей очередную проблему подкинул. Взяла букет, поставила в вазу. «Спасибо. Но в следующий раз предупреждай, когда собираешься прийти рано. У меня созвон был через пять минут».

Созвон.

Всегда у нее созвоны, совещания, встречи.

Вот тогда все и умерло. В тот момент, когда она даже не улыбнулась, получив цветы. Она сама убила все чувства между нами. Год за годом. Она сама построила эту стену. Я просто искал тепла, которого не было дома.

Милана давала мне это тепло. Она смотрела на меня так, будто я — центр вселенной. Слушала мои истории, смеялась над шутками, спрашивала совета. С ней я чувствовал себя нужным. Важным.

Живым.

Но теперь...

Что я скажу партнерам? Клиентам? Как объясню, что я — тот самый "лох с фотками в постели"?

Господи, я банкрот. Во всем.

Телефон вибрирует в кармане.

Милана.

Я хватаю трубку, как утопающий хватается за спасательный круг. Вот оно. Вот она. Сейчас она скажет что-то теплое, что-то правильное. Мой котенок, она одна меня понимает. Она скажет, что любит меня, что я прав, что мы все преодолеем вместе...

Я представляю ее нежный голос, слова поддержки. «Тигр, я с тобой. Мы справимся».

— Котенок...

— Тигр! — Голос дрожит, срывается на вскрик. — Что происходит?! Мне только что позвонили из офиса!

Я вздрагиваю.

— Она меня уволила! — Милана почти кричит в трубку. — Просто позвонила и сказала: "Вы уволены за нарушение трудовой дисциплины". Все!

— Милана, я...

— Тигр, — голос срывается на всхлип. — Что нам теперь делать? У меня съемная квартира, мне завтра платить нужно. Четырнадцатого числа. А у меня на карте пять тысяч осталось...

— Знаю, — говорю я устало. — Она меня тоже выгнала из дома.

— Что?! — Голос меняется мгновенно. Становится мягче, испуганнее. — Тигр, но... но как же наши планы? Ты же говорил, что мы будем вместе...

Планы. Какие планы? Я обещал ей квартиру, совместную жизнь. Но это было в другой реальности, где у меня есть деньги и имущество.

— Милана, сейчас не время для планов. Мне нужно решить юридические вопросы.

— Я понимаю, тигр, — она всхлипывает. — Просто... просто мне так страшно.

— Поживи у подруг пока. Или к родителям съезди.

— К родителям? — В голосе появляются слезы. — В деревню? Тигр, я же не могу... Я думала, что мы будем вместе. Что ты обо мне позаботишься...

Что-то внутри меня ломается. Я слушаю ее слезы, ее мольбы, и понимаю — она ждет, что я ее спасу. Что я, у которого самого все рухнуло, буду решать ее проблемы.

— Милана, у меня голова кругом идет, — говорю я, и голос звучит чужим. — Мне нужно разобраться с собственной жизнью.

— А я что — не часть твоей жизни? — Голос дрожит. — Андрей, ты же обещал... Ты же говорил, что любишь меня...

— И ты туда же! — Голос срывается на крик, но это не злость на нее. Это злость на себя. — Всем нужно, чтобы я решал! Всем нужно, чтобы я помогал! А я? Я сам ничего не могу! Ничего!

— Андрей, тигр, не кричи на меня, — она плачет. — Я не хотела... Просто мне так страшно... Ты же единственный, кто у меня есть...

— Милана... — Голос ломается. Я не знаю, что сказать. Совсем не знаю. — Мне надо подумать. Я... я перезвоню, когда смогу.

— Когда?! Андрей, мне завтра...

— Не знаю! — Я почти задыхаюсь. — Не знаю, понимаешь? Сейчас не время. Мне нужно... разобраться.

Бросаю трубку.

Не потому что решил. Не потому что поставил точку. Просто потому что не могу больше слушать. Не могу отвечать на вопросы, на которые у меня нет ответов.

Рука сама срывается — бью кулаком по рулю. Раз. Второй. Третий. Боль стреляет по костяшкам, но я не могу остановиться.

Какой же я ничтожный. Какой жалкий.

Не могу справиться с женой. Не могу помочь Милане. Не могу даже нормально разговор закончить. Просто сбежал, как трус. Как всегда.

Она ждала, что я ее спасу. А я не могу спасти даже себя.

Дышу тяжело, в груди жжет. Накатывает тошнота — такая резкая, что приходится приоткрыть дверь и высунуться наружу. Холодный воздух бьет в лицо.

Только мама... нет, мама-то точно любит. Только она.

Сижку, прислонившись спиной к сиденью. Дверца открыта, в салон дует ветер. Холодно. Я даже куртку не взял — выскочил из дома в рубашке и джинсах.

Тишина. Полная, абсолютная тишина.

Я один во всем мире.

Телефон в руках. Я смотрю на него, как на последнюю надежду. Последний спасательный круг в океане дерьма, в котором я сейчас тону.

Набираю маму дрожащими пальцами. Цифры прыгают перед глазами, и я промахиваюсь с первого раза. Со второго получается.

Длинные гудки. Раз. Два. Три.

Возьми трубку, мама. Пожалуйста. Прошу тебя.

— Андрюша? — Голос встревоженный, немедленно настороженный. — Что случилось?

Ты же к...

— Мама... — Голос срывается. Проваливается куда-то вниз. — Мама, тут такое...

— Что такое? — Голос становится острее.

— Настя... она все знает. Про Милану. — Слова вываливаются скомканно, как у ребенка, который жалуется после драки. — Она... она нас застала. В постели. В нашей постели. Сделала фотографии и... и выгнала меня из дома.

Тишина на том конце. Долгая. Тяжелая. Я слышу, как мама дышит — медленно, глубоко.

— Бедный мой мальчик, — говорит она тихо, и от этих слов меня прорывает окончательно.

Слезы наконец текут — горячие, душющие. Я не могу их остановить.

— Мама, она сказала... — Я задыхаюсь. — Там какие-то проценты... что все ее... юридически все на ней... и фотографии... она детям покажет... она сказала, что я ничтожество... что она меня уничтожит!

Слова скачут, перескакивают с одного на другое. Я говорю, как напуганный ребенок, который не может связать мысли.

— Мам, что мне делать? — Голос срывается окончательно. — Я остался ни с чем. У меня даже жить негде. Она сказала, что если я попробую к детям подойти, то покажет им фотографии. Что я... что я развратник и... и что она меня уничтожит...

— Так, стоп, — мама перебивает. Голос становится четче, острее. — Какие проценты? Про что она говорила?

— Про бизнес. — Я вытираю нос рукавом. — Оказывается, юридически мне принадлежит только двадцать процентов агентства. Остальное все ее доля. Квартира тоже на ней. Все. Все на ней, мам.

— Двадцать процентов, — повторяет мама глухо. — Ты двадцать лет работал, а тебе принадлежит двадцать процентов.

— Я не знал! — Я почти кричу. — Мам, она мне не говорила! Стартовый капитал был от ее отца, квартира тоже подарок от тестя... Она все оформила на себя, а я даже не подумал проверить!

Пауза. Долгая. Я слышу, как она что-то записывает — царапанье ручки по бумаге.

— Фотографии есть? — Голос становится деловым, почти бесстрастным.

— Да. Меня и Миланы... в постели. В нашей с ней постели.

— Понятно. — Еще одна пауза. — Дети где сейчас?

— У друзей. До завтра они не вернутся.

— Хорошо, — говорит мама, и я слышу, как в ее голосе что-то меняется. Из сочувствующего и мягкого он становится стальным, звенящим. — Это хорошо. Значит, у нас есть время.

— Время на что?

— На подготовку. — Короткая пауза. Я слышу, как она встает, начинает ходить. — Так. Слушай меня внимательно, Андрей. Сейчас ты будешь делать в точности то, что я скажу. Понял?

— Да, мам.

— Во-первых, вытри слезы. Прямо сейчас. Умойся, если есть чем.

Я вытираю лицо рукавом. Достāju из бардачка салфетки, вытираю нос.

— Готово.

— Во-вторых, заблокируй номер этой девицы. Миланы. Немедленно.

— Но мама, она же...

— Немедленно, я сказала! — Голос становится жестким. — Она — компромат на тебя. Пока идет война, ты должен быть кристально чист. Никаких любовниц. Никаких контактов. Ты — брошенный муж, который страдает от разлуки с детьми. Понял?

Война. Она называет это войной.

— Понял.

Я блокирую номер Миланы дрожащими пальцами. Телефон спрашивает: "Вы уверены?". Нажимаю "да".

— Готово, мам.

— В-третьих, выключи телефон. Вообще. Полностью. Никому не отвечай. Если Анастасия позвонит — тем более не бери. Ничего ей не говори, ничего не обещай. Молчание — твоё оружие сейчас.

— Хорошо.

— В-четвертых, включи навигатор. Поезжай ко мне, не превышая скорости. По дороге нигде не останавливайся. Ни с кем не разговаривай. Телефон убери и не трогай. Ты меня слышишь?

— Да, мам.

— Повтори, что я сказала.

— Вытер слезы. Заблокировал Милану. Выключаю телефон. Еду к тебе. Не превышаю. Нигде не останавливаюсь. Ни с кем не говорю.

— Молодец. Немедленно выезжай. Жду.

Она кладет трубку.

Я сижу в тишине, сжимая телефон в руке.

В груди что-то теплеет. Впервые за последний час я чувствую, что могу выдохнуть. По-настоящему выдохнуть.

Я чувствую, как с плеч сваливается неподъемная гора. Мне больше не нужно принимать решения. Не нужно быть сильным. Не нужно думать, планировать, решать. Мама все сделает. Как всегда. Как в детстве, когда она защищала меня от хулиганов. Как в старших классах, когда договаривалась с учителями о пересдачах. Как после универа, когда искала мне работу.

Остается только слушать.

И это становится спасением.

Я завожу машину. Руки все еще дрожат, но уже не так сильно. Включаю навигатор. До Марьино сорок минут.

Без детей я останусь ни с чем.

А мама знает, как их вернуть.

Глава 6

Анастасия

Номер в отеле — безликий, как операционная. Белые стены, серый текстиль, стеклянный журнальный столик. Дизайнерский интерьер, выполненный в том самом скандинавском минимализме, который так любят показывать в каталогах. За панорамным окном — ночная Москва, миллионы огней, мерцающие, как звезды в перевернутом небе. Вид на двадцать миллионов.

Стерильность. Анонимность. Именно это мне сейчас и нужно.

Я стою у окна, прижав ладони к холодному стеклу. Внизу, где-то далеко, ползут машины, мигают светофоры, живут чужие жизни. А я здесь, в этой коробке на третьем этаже.

Мозг включается автоматически. Профессиональная деформация. Я оцениваю номер, как объект недвижимости. Неудачная планировка — слишком узкий коридор. Низкие потолки создают ощущение давления. Ванная комната без окна — минус к ликвидности. На вторичном рынке такое продается со скидкой в пятнадцать процентов от заявленной цены.

Господи, я даже сейчас думаю о квадратных метрах.

Может, я и правда давно превратилась в машину?

Телефон вибрирует на столе. Уведомление.

Письмо от частного детектива. Тема: "Полный отчет по заказу №4471".

Я подхожу, беру телефон. Палец завис над экраном. Мне правда нужно это видеть?

Открываю.

Файлы загружаются медленно. Фотографии. Десятки фотографий. Даты, места, временные метки. Я пролистываю их не как ревнивая жена, а как юрист, изучающий материалы дела.

Месяцы. Он врал мне каждый день.

Он врал мне каждый день.

Листаю дальше. Еще фотографии. Еще даты. Они как удары — методичные, выверенные.

И вдруг я вижу одну.

Он покупает ей цветы.

Не просто цветы. Он стоит у маленького магазинчика на углу нашей улицы. Того самого, где всегда покупал цветы мне. Я узнаю продавщицу — пожилую женщину в вязаном шарфе. Она улыбается ему, заворачивает букет. Белые розы.

Детектив приложил чек. День, когда я задержалась на совещании допоздна. Андрей пришел домой в десять вечера, поцеловал меня в щеку. "Устал, котик. Весь день в разъездах".

Он купил ей цветы. В нашем магазине. У нашей продавщицы. И принес их не мне.

Телефон выпадает из рук, ударяется об пол с глухим стуком.

Я медленно сползаю по стене, опускаюсь на холодный паркет. Обхватываю колени руками. Дышу. Просто дышу.

Это не про измену. Это про осквернение.

Он взял все, что было нашим — наши места, наши ритуалы, наши символы — и отдал ей. Как будто двадцать лет ничего не значили. Как будто я ничего не значила.

Сколько я сижу так — не знаю. Минуту. Десять. Час.

В голове пустота.

Телефон звонит.

Я смотрю на экран сквозь пелену. "Папа".

Он звонит мне. Я же должна была к нему приехать.

Беру трубку дрожащей рукой.

— Настя? — Голос встревоженный. — Ты выехала? Я тебя жду, ужин стынет.

Не могу врать. Не ему.

— Пап... — Голос срывается. — Я не приеду. Я в отеле.

Тишина на том конце. Долгая.

— В отеле? — Голос становится настороженным. — Настя, что случилось? Ты говорила, что расскажешь при встрече. Рассказывай сейчас.

Не могу говорить. Слова застревают в гортани.

— Дочка, — голос становится жестче. — Что. Случилось.

— Андрей... — выдавливаю я. — Я застала его сегодня. С любовницей. В нашей постели. Я слышу, как отец тяжело выдыхает. Потом тишина. Долгая, звенящая тишина.

— Сукин сын, — говорит он наконец. Тихо, но с такой яростью, что я вздрагиваю. — Я его убью.

— Папа, не надо...

Я просто... не могла приехать к вам и быть нормальной. Не могла улыбаться и делать вид, что все хорошо.

— И не надо, — голос смягчается. — Дочка, ты одна? Ты в безопасности?

— Да, пап. Со мной все в порядке. Просто... — Голос снова ломается. — Я только что смотрела отчет от детектива. Там фотографии. Месяцы, пап. Он врал мне каждый день. И знаешь, что хуже всего? Он покупал ей цветы в том же магазине, где всегда покупал мне. У той же продавщицы.

Я слышу, как отец дышит — тяжело, сдерживаясь.

— Настя, послушай меня, — говорит он наконец. — Ты сейчас чувствуешь, что мир рухнул. Что все, во что ты верила, оказалось ложью. Правильно?

— Да, — шепчу я.

— И ты думаешь, что не справишься. Что это слишком больно. Что ты не настолько сильная.

Слезы наконец прорываются. Я киваю, хотя он меня не видит.

— Да, — шепчу я.

— А помнишь, как ты училась кататься на велосипеде? — Голос отца меняется, становится теплее. — Тебе было шесть. Ты выбрала самую крутую горку во дворе. Я говорил: начни с ровной дороги. Ты сказала: "Нет, папа, это для малышей". Поехала с горки, конечно, упала. Разбила коленку в кровь, порвала новые джинсы. Мама хотела тебя домой увести, пластырь наклеить, успокоить. А ты знаешь, что сделала?

— Нет, — шепчу я.

— Ты ревела. Но не от боли. От злости на себя, что не смогла. Мама тебя обнимала, а ты от нее отпихивалась. Вытерла сопли рукавом, взяла велосипед и полезла на ту горку снова. С разбитой коленкой, со слезами на лице. Я хотел остановить, но мама сказала: "Не смей. Это ее характер. Не ломай". И ты поехала. И упала еще раз. И еще. Пять раз упала, пока не проехала до конца. А когда доехала — смеялась как ненормальная.

Я вспоминаю. Смутно, как через толстое стекло, но вспоминаю. Горка. Велосипед. Кровь на коленке.

— Вот это и есть твой характер, дочка, — говорит отец. — Ты не умеешь сдаваться. Даже когда больно. Даже когда страшно. Ты встаешь и идешь дальше. Потому что ты моя дочь. Мы не ломаемся.

— А если я не смогу? — Голос дрожит.

— Сможешь. — Голос твердый, как сталь. — Потому что сейчас ты не просто лежишь с разбитой коленкой. Ты уже встала. Ты уже в отеле, а не дома. Ты уже выгнала его. Ты уже получила отчет и смотришь правде в глаза. Ты уже на той горке, дочка. Осталось только доехать до конца.

Я закрываю глаза, прижимаю телефон к уху сильнее.

— Приезжай к нам, — говорит он мягче. — Мама испечет твой любимый пирог. Поживешь немного, придешь в себя.

Искушение огромное. Поехать домой, к родителям. Спрятаться в своей старой комнате. Где все знакомо и безопасно.

Но я знаю, что будет, если я соглашусь.

— Спасибо, папа, — говорю я, и голос звучит тверже. — Но нет. Если я сейчас приеду к вам, я стану маленькой девочкой с разбитой коленкой. А мне нужно быть той, которая едет с горки снова. Это моя война, и я должна вести ее сама.

Тишина на том конце. Долгая. А потом — тихий смех.

— Вот и правильно, — говорит он, и в голосе слышится гордость. — Вот и правильно, доченька.

— Я справлюсь, — говорю я. Себе или ему — не знаю.

— Справишься. Но если что — звони. В любое время. Поняла?

— Поняла, папа.

— Люблю тебя, дочка.

— Я тебя тоже.

Он кладет трубку.

Я сижу на полу, держа телефон в руках. Слезы высохли. Вместо них — что-то другое. Холодное. Твердое.

Я встаю. Иду в ванную, умываюсь ледяной водой. Смотрю на свое отражение в зеркале. Заплаканная женщина. Размазанная тушь. Красные глаза.

Нет.

Не это.

Я вытираю лицо полотенцем. Вытираю медленно, методично. Смываю остатки косметики. Расчесываю волосы. Смотрю снова.

Вот. Лучше.

Не жертва. Та, которая едет с горки снова.

Я возвращаюсь в комнату, открываю ноутбук. Пальцы летают по клавишам: "лучшие юристы по сложным разводам Москва".

Первая страница выдачи. Рейтинг. Отзывы. Я просматриваю быстро, профессионально. Выбираю пять фамилий. Проверяю каждую — опыт, специализация, резонансные дела.

Станислав Волков — выиграл восемь громких разводов подряд. Специализируется на разделе бизнеса.

Елена Кравцова — известна жесткими методами, не оставляет противникам шансов.

Игорь Медведев — работает с крупными состояниями, умеет защищать активы.

Антон Сергеев — бывший прокурор, знает все лазейки в законодательстве.

Мария Зотова — ее клиенты всегда получают максимум при разводе.

Я не жду утра.

Набираю первый номер. Автоответчик.

"Добрый вечер. Меня зовут Анастасия Покровская. Мне нужна консультация по сложному разводу с разделом бизнеса. Вопрос срочный. Деньги не проблема. Прошу перезвонить завтра до девяти утра".

Голос звучит четко, ровно. Ни следа слез.

Следующий номер. Снова автоответчик. Такое же сообщение.

Третий. Четвертый. Пятый.

Я оставляю сообщения методично, как отправляю деловые письма. Без эмоций. Только факты и требования.

Когда заканчиваю, смотрю на часы. Половина первого ночи.

Я закрываю ноутбук, выключаю свет, ложусь на кровать в одежде.

За окном Москва продолжает гореть миллионами огней. Где-то там, в этом огромном городе, спит мой муж. Бывший муж. Наверное, у своей матери. Наверное, жалуется ей, как его несправедливо обидели.

Пусть жалуется.

Я легла в чужую постель, в чужом номере. Вокруг была тишина, но в моей голове уже строились схемы и планы. Сон не шел.

Война началась.

И я собиралась ее выиграть.

Глава 7

Андрей

Утро в маминной квартире пахнет жареным луком и чем-то сладким — пирогами, наверное. Я сижу на кухне с кружкой остывшего кофе и смотрю, как мама колдует у плиты.

Она готовит с сосредоточенностью хирурга перед сложной операцией. Каждое движение точное, выверенное. Режет овощи для салата — тонко, аккуратно. Проверяет температуру в духовке — ровно сто восемьдесят. Раскладывает на тарелке печенье — строго по кругу, как циферблат.

Она не улыбается. Не говорит "я так рада, что внуки приедут". Просто кивает и продолжает готовить.

Я чувствую себя неуютно. Как будто я не на кухне, а в штабе перед военной операцией.

— Мам, а может, не надо? — Слова вылетают сами собой. — Может, я просто поговорю с ними сам? По-честному?

Мама поворачивается ко мне. Взгляд острый, как скальпель.

— По-честному? — Она вытирает руки о полотенце. — Андрей, ты понимаешь, что "по-честному" означает, что ты признаешься детям в измене? Покажешь им, какой ты замечательный отец?

— Я просто думал...

— Вот именно — думал. — Она садится напротив меня, складывает руки на столе. — Андрей, слушай меня внимательно. Сейчас идет война. Не переговоры, не разговор "по душам". Война. И в войне есть свои правила. Первое правило: кто первый захватывает позицию, тот и побеждает.

— Но дети — это не позиция...

— Дети — это самое важное, что у тебя есть. — Голос становится жестче. — Анастасия это понимает. Она считает, что они на ее стороне. Что ты уже проиграл. Но мы докажем ей обратное.

— Как?

Мама встает, подходит к холодильнику, достает блокнот. Садится снова, открывает его. Там — список, написанный ее ровным, каллиграфическим почерком.

— Слушай и запоминай. — Она стучит пальцем по странице. — Никаких слов типа "ваша мать — стерва". Это вульгарно и контрпродуктивно. Мы действуем тонко.

Она читает, и я слушаю, чувствуя, как внутри все сжимается.

— Первое: "Мама очень устала, она вся в работе, ей сейчас не до семьи". Ты согласен с этим утверждением?

— Ну... она действительно много работает...

— Правильно. Это не обвинение, это констатация факта. Дети сами это видели. Второе: "Папа пытался все сохранить, но мама его оттолкнула своей холодностью". Тоже правда, если подумать. Ты же пытался с ней поговорить?

Пытался ли я? Не помню. Может быть. Один раз, два...

— Пытался, — говорю я неуверенно.

— Вот видишь. Третье, самое важное: "Мы не должны осуждать маму, ей просто нужно время побыть одной, устроить свою жизнь". — Мама смотрит на меня в упор. — Это ключ. Мы даем детям разрешение отпустить мать. Не из злости, а из благородства.

— Мам, это же манипуляция...

— Это стратегия! — Она повышает голос, потом берет себя в руки, говорит тише. — Андрей, неужели ты не понимаешь? Анастасия уже манипулирует. Она выгнала тебя из дома,

лишила детей отца, разрушила семью. И все это потому, что ты совершил одну-единственную ошибку, которую она даже не попыталась простить.

— Но я изменил...

— А она двадцать лет была холодной эгоисткой! — Мама стучит кулаком по столу. — Она тебя использовала, контролировала, унижала! Ты думаешь, дети этого не видели?

Молчу. В горле ком.

— Мам, Настя хорошая мать...

— Хорошая? — Она усмехается. — Хорошая мать не выбрасывает отца детей на улицу без разговора. Хорошая мать не разрушает семью из-за мелкого мужского промаха. Андрей, сейчас не время для сантиментов. Сейчас время бороться за своих детей. Ты хочешь их потерять?

— Нет...

— Тогда делай, как я говорю.

Я киваю. Стыдно. Мерзко. Но я киваю.

Потому что она права. Без детей у меня не останется ничего.

В три часа дня звонят в дверь.

Я открываю. На пороге — Егор и Лиза. Обычные, мои дети. Егор в черной куртке и джинсах, наушники на шее. Лиза в розовой толстовке, с рюкзаком на одном плече.

— Привет, пап! — Лиза обнимает меня, пахнет ее детским шампунем. — Как дела?

— Нормально, зайка. — Я обнимаю ее, потом Егора. Он пожимает мне руку — по-мужски, как я его учил. — Как доехали?

— Нормально. На метро. — Егор заходит в прихожую, оглядывается. — Баб, ты где?

— Здесь, голубчик! — Мама выходит из кухни, вытирая руки о фартук. Улыбка на лице — теплая, бабушкина. Как будто ничего не происходит. — Ну, проходите, проходите! Я вам такое приготовила!

Лиза бросается к ней, обнимает. Егор идет следом, целует бабушку в щеку.

— Пахнет вкусно, — говорит он. — Что готовила?

— А вот пойдете на кухню — узнаете.

Они проходят на кухню. Садятся за стол. Привычные места — Лиза слева, Егор справа. Мама начинает раскладывать еду. Салат, котлеты, картофельное пюре. Пирог на десерт.

— Ну, рассказывайте, — говорит она, наливая чай. — Как в школе? Что нового?

— Да нормально, — Лиза откусывает котлету. — У нас завтра контрольная по математике.

— Молодец. А ты, Егор?

— У меня все окей. Тренировки, школа. Обычная движуха.

Я смотрю на них. Они пытаются выглядеть как обычно, но я вижу напряжение. Конечно, они встревожены. Вчера вечером мама позвонила им и сказала, что мы с Настей сильно поссорились, и пока лучше побыть у нее. Она не говорила про развод, просто «серьезная ссора». Поэтому они и приехали — ждут объяснений, но боятся спрашивать.

Мама ест, пьет чай, улыбается, создавая иллюзию обычного воскресного обеда. А потом, словно продолжая какой-то невидимый разговор, вздыхает:

— Дети, я знаю, вы переживаете из-за ссоры родителей. Это тяжело, когда взрослые не могут договориться.

Лиза тут же поднимает глаза, полные тревоги.

— Бабушка, а что случилось? Мама совсем не отвечает на звонки.

— Бедная, — мама качает головой, игнорируя прямой вопрос. — Она так устала, совсем себя не бережет. Вся в делах, наверное, и на вас времени не остается?

Лиза задумывается.

— Ну... иногда она приходит поздно. Иногда вообще в командировку уезжает.

— А помните, — мама подливает чай, — когда у вас, Егор, был тот турнир по футболу? Важный такой. Ты так хотел, чтобы мама пришла...

Егор хмурится.

— Она не пришла. Сказала, что у нее встреча.

— Ну да, встреча, — бабушка поджимает губы. — Работа важная. А турнир... ну, это же просто спорт.

— Для меня было важно, — говорит Егор тихо.

— Конечно, дорогой. Конечно, важно. — Бабушка кладет руку ему на плечо. — Просто мамочка ваша так устала... Она все время в напряжении. Ей тяжело.

Лиза кивает.

— Она всегда какая-то... строгая. Даже когда дома.

— Строгая? — Бабушка поднимает бровь. — В каком смысле?

— Ну, она всегда все проверяет. Уроки, оценки. Всегда говорит, что надо стараться, что надо быть лучше. — Лиза вертит ложку в чае. — А папа... папа просто спрашивает, как дела, и все.

Мама улыбается.

— Папа у вас добрый. Он вас любит. Просто любит, без всяких условий.

Я сижу и молчу. Горло сжимает.

Это правда? Я правда лучше Насти?

Или мама просто ловко манипулирует?

После ужина мы переходим в гостиную. Мама приносит чай и пироги. Мы садимся — дети на диван, я в кресло, мама на стул напротив.

Она кладет руки на колени, смотрит на детей.

— Ребята, — говорит она тихо. — Нам нужно с вами поговорить. О серьезном.

Лиза настораживается. Егор выпрямляется.

— О чем? — спрашивает он.

— О семье.

— Дети, я не хотела вам этого говорить, но... вы взрослые, вы должны знать. Ваши родители переживают кризис.

— Какой кризис? — Лиза бледнеет.

— Мама решила пожить отдельно. Она сказала папе, что ей нужно время подумать. Что она устала от семьи.

— Что?! — Егор вскакивает. — Это правда, пап?

Я смотрю на него. На его испуганное лицо. И киваю.

— Правда, сынок.

— Но почему? — Голос Лизы дрожит. — Почему она так решила?

Мама смотрит на меня. Короткий, острый взгляд. Команда: говори.

— Мама... она очень устала. — Слова застревают в горле. — Ей нужно время.

— Время на что? — Егор сжимает кулаки. — Мы что, ей мешаем?

— Нет, конечно, нет! — Бабушка поднимает руку. — Дети, никто не виноват. Просто... взрослые люди иногда меняются. Ваша мама молодец, она многого добилась. Но это требует жертв. И иногда эти жертвы — это семья.

— Значит, она нас бросает? — Лиза начинает плакать.

— Нет, зайка, — я подхожу к ней, обнимаю. — Мама вас любит.

— Тогда почему? — Она уткнулась мне в плечо, дрожит.

Мама встает, подходит к нам. Садится рядом с Лизой, гладит ее по голове.

— Дети, — говорит она мягко. — Я знаю, это страшно. Но жизнь иногда бывает несправедливой. Мама устраивает свою жизнь. Ей нужно двигаться дальше. А папа... — Она смотрит на меня. — Папа совсем раздавлен. Он живет только ради вас.

— Пап, — Егор подходит ко мне. — Это правда? Ты из-за нас страдаешь?
Я смотрю на него. Хочу сказать правду. Хочу крикнуть: "Нет! Это я виноват! Я изменил!
Я предал!"

Но вместо этого я киваю.

— Я не хочу вас потерять, сын.

Егор обнимает меня. Лиза тоже. Они прижимаются ко мне, и я чувствую их дрожь.

— Мы тебя не бросим, пап, — шепчет Егор.

Бабушка смотрит на нас. На лице — удовлетворение.

— Дети, — говорит она. — Вам придется сделать выбор. Это тяжело, я знаю. Но подумайте: маме сейчас нужно устраивать свою жизнь. Ей будет нелегко, конечно, но она сильная, она справится. А папа... — Она качает головой. — Без вас он просто пропадет.

Лиза всхлипывает.

— Мы с кем будем жить?

— Это ваш выбор, — говорит бабушка. — Но вы должны понимать: если вы выберете маму, папе будет очень больно. Он и так уже на грани.

Егор молчит. Долго. Его взгляд мечется от меня к бабушке, потом к плачущей Лизе. Он смотрит на сестру так, словно ищет у нее поддержки. Лиза, сквозь слезы, едва заметно кивает ему. Они обменялись взглядом на одну секунду, но в нем было все: страх, растерянность и общее, отчаянное решение.

Он снова поворачивается ко мне.

— Пап, скажи честно. Тебе правда плохо?

Я киваю. Не могу говорить.

— Тогда мы останемся с тобой.

— Голос Егора твердый, как у взрослого. — Ты наш отец. Мы не дадим тебя в обиду.

— Я тоже, — шепчет Лиза. — Я тоже с папой.

Мама улыбается. Довольно. Победно.

— Молодцы, дети. Вы приняли правильное решение.

В этот момент звонит мой телефон.

Все замирают.

Я достаю его из кармана. На экране — "Анастасия".

— Это мама, — говорит Лиза испуганно.

Мама смотрит на меня. Спокойно. Властно.

— Включи громкую связь, — говорит она. — И говори, как я учила.

Я нажимаю кнопку. Руки дрожат.

— Алло?

— Андрей. — Голос Насти глухой, усталый. — Мне нужно с тобой поговорить. И с детьми.

— Они здесь, — говорю я.

— Я знаю. Можно с ними?

Я смотрю на детей. Они смотрят на меня.

— Мама? — говорит Егор. — Это правда? Ты хочешь развестись?

Тишина на том конце. Долгая.

— Да, Егор. Правда.

— Почему? — Голос Лизы срывается. — Почему ты так решила?

— Лиза, это сложно... Я хочу, чтобы мы встретились, поговорили нормально...

— Мама, мы не хотим, чтобы вы развелись. Но если уж так... Мы решили, что останемся с папой.

На том конце провода наступает такая тишина, что я слышу, как гудит холодильник на кухне. Секунда, две, пять...

— Что? — наконец доносится голос Насти. Тихий, растерянный, я никогда не слышал ее такой. — Егор, что ты такое говоришь?

— Мам, мы решили, — повторяет сын, и я вижу, как у него дрожит подбородок. — Папе сейчас хуже. Ему нужна поддержка.

— А мне не нужна?! — в ее голосе звенят слезы. — Егор, Лиза, вы хоть понимаете, что вы сейчас делаете? Ваша бабушка вами манипулирует!

— Мама, не говори так про бабушку! — вмешивается Лиза, всхлипывая. — Она нас любит! Она сказала, что ты сильная, что ты справишься...

— Я сильная... — повторяет Настя, и в ее голосе столько боли, что мне самому становится не по себе. — Понятно. Значит, я сильная.

Снова тишина. А потом — короткие, сухие гудки. Она повесила трубку.

В комнате повисает тишина, нарушаемая только тихим плачем Лизы. Я смотрю на детей, на довольное лицо матери.

Я выиграл битву за детей. Но почему же от этой победы так тошнотворно на душе?

Глава 8

Анастасия

Квартира пустая.

Не в буквальном смысле — мебель на месте, картины на стенах, книги на полках. Но она пустая. Без него, без его вещей, без его присутствия она превратилась в декорацию. В музей того, чего больше нет.

Я хожу по гостиной, как маятник. Пять шагов туда, пять обратно. В голове прокручиваю слова, которые скажу детям. Как объяснить? Как не ранить их? Как сказать правду, не превращая отца в монстра?

Адвокат сказал просто: "Поговорите с ними. Честно. Они взрослые, они поймут".

Но взрослые ли они? Егору шестнадцать, Лизе четырнадцать. Это дети. Мои дети.

Я смотрю на часы. Четыре вечера. Они должны приехать в любую минуту.

Телефон вибрирует. Сообщение от Егора: "Мам, мы выезжаем".

Сердце сжимается от одного этого слова — "мам". Вчера оно было обычным. Сегодня — как глоток воды в пустыне.

Я сажусь на диван, складываю руки на коленях. Выпрямляю спину. Нельзя им показывать слабость. Нельзя плакать. Я должна быть сильной, спокойной, уверенной.

Звонок в дверь.

Я встаю, иду открывать. Пальцы дрожат, когда поворачиваю ручку.

На пороге — они.

Лиза в розовой толстовке, с рюкзаком. Глаза красные, заплаканные. Она смотрит на меня и тут же бросается на шею.

— Мама!

Я обнимаю ее, прижимаю к себе. Вдыхаю запах ее волос — яблочный шампунь. Она дрожит.

— Все хорошо, зайка, — шепчу я. — Все будет хорошо.

Егор стоит за ее спиной. Выше меня на полголовы уже. Руки в карманах, взгляд тревожный, настороженный. Он не обнимает меня. Кивает коротко.

— Привет, мам.

— Привет, сынок. — Я отпускаю Лизу, протягиваю руку Егору. Он пожимает ее — повзрослому, сдержанно. — Проходите.

Мы идем в гостиную. Садимся — дети на диван, я в кресло напротив. Между нами журнальный столик, как граница.

— Чай хотите? — спрашиваю я.

— Нет, — Егор качает головой. — Мам, давай сразу. Что происходит?

Я смотрю на них. Мои дети. Егор с глазами, Лиза с моим носом. Мои дети.

— Вы знаете, что мы с папой... что у нас кризис.

— Знаем, — Лиза вытирает глаза. — Бабушка сказала.

Бабушка. Конечно.

— Что именно она сказала? — Голос звучит ровнее, чем я чувствую.

— Что ты устала от семьи, — говорит Егор. — Что тебе нужно время подумать. Что ты хочешь устроить свою жизнь.

Я закрываю глаза. Считаю до пяти. Открываю.

— Это не совсем так.

— А как тогда? — Егор наклоняется вперед. — Мам, ты правда хочешь развестись?

— Да. Хочу.

— Почему? — Лиза всхлипывает. — Мы что-то не так сделали?

— Нет, зайка, — я протягиваю руку, беру ее ладонь в свою. — Вы ни в чем не виноваты. Это между мной и папой.

— Но что случилось? — Егор смотрит на меня в упор. — Вы же двадцать лет вместе. Как сказать? Как объяснить?

— Я потеряла доверие, — говорю я медленно. — Папа был нечестен со мной. Он делал вещи... которые я не могу простить.

— Какие вещи?

Я молчу. Не могу сказать. Не хочу им показывать фотографии, не хочу рассказывать про измену. Они еще дети.

— Мам, — Лиза сжимает мою руку. — Бабушка сказала, что ты хочешь отобрать у папы бизнес. Это правда?

Я вздрагиваю.

— Кто это сказал?

— Бабушка. Она сказала, что ты выгнала папу из дома, не дала ему ничего забрать. Что он теперь один и без денег.

Господи. Какая же она змея.

— Это не так, — говорю я твердо. — Я не выгоняла папу. Я попросила его уехать, потому что не могла больше с ним находиться в одной квартире. И бизнес... Дети, юридически бизнес принадлежит в основном мне. Это факт. Папа это знал всегда.

— Но бабушка сказала...

— Бабушка многое говорит. — Я перебиваю жестче, чем хотела. — И не все из этого правда.

Егор хмурится.

— Тогда объясни. Что папа сделал такого, что ты не можешь простить?

Я смотрю на них. На их лица — испуганные, растерянные. Они ждут ответа. Они имеют право на правду.

— У папы есть другая женщина, — говорю я тихо.

Тишина. Лиза бледнеет. Егор сжимает кулаки.

— Что? — шепчет Лиза.

— Папа изменял мне. Папа изменял мне. Долгое время. С нашей сотрудницей. Я застала их вместе.

Егор встает резко, отворачивается к окну.

— Не может быть.

— Может. — Голос звучит ровно, но внутри все рвется на части. — Может, Егор.

Лиза плачет. Громко, навзрыд. Я обнимаю ее, глажу по голове.

— Мам, — она задыхается от слез. — Мам, это правда?

— Правда, зайка.

Егор поворачивается. Лицо белое, губы сжаты.

— И что теперь?

— Теперь... — Я вздыхаю. — Теперь мы разводимся. Я не могу жить с человеком, который меня предал.

— А мы? — Голос Егора звенит. — Мы что, должны выбирать между вами?

— Нет. Вы не должны выбирать. Вы мои дети. Всегда будете моими.

Лиза всхлипывает.

— Но бабушка сказала, что папе без нас будет плохо. Что у него слабое сердце. Что он может... — Она не договаривает, снова плачет.

Я замираю.

— Что она сказала?

— Что папа слабый. — Лиза вытирает нос рукавом. — Что без нас он пропадет. Что мы должны с ним остаться.

Холод растекается по венам.

— Дети, — говорю я, беря их обоих за руки. — Это шантаж. Это манипуляция. Папа взрослый мужчина. Он справится. Вы не отвечаете за его жизнь.

— Но если с ним что-то случится... — Лиза рыдает.

— Ничего не случится! — Я почти кричу. Беру себя в руки, говорю тише. — Зайка, ничего не случится. Это ложь. Бабушка пытается вами манипулировать.

Егор молчит. Смотрит в пол.

— Егор, — обращаюсь я к нему. — Ты же понимаешь? Ты же видишь, что это неправильно?

Он поднимает голову. В глазах — боль, растерянность.

— Мам, я не знаю. Папа... он правда выглядел плохо. Вчера, когда мы приехали. Он сидел и молчал. Не ел. Просто сидел.

— Потому что он понимает, что натворил! — Я встаю, хожу по комнате. — Егор, подумай сам. Папа изменял мне. Врал нам всем. И теперь он изображает жертву? А бабушка вас использует, чтобы меня наказать?

— Но она же его мать, — говорит Лиза тихо. — Она просто хочет ему помочь.

Я смотрю на нее. На ее заплаканное лицо. И понимаю — она уже не слышит меня. Тамара Борисовна уже вложила свои слова в ее голову.

— Послушайте, — говорю я, садясь обратно. — Вам нужно время подумать. Это нормально. Просто... просто подумайте. Хорошо?

Егор кивает.

— Нам нужно подумать, — повторяет он.

— Хорошо. — Я выдыхаю. — Думайте. Сколько нужно.

Кажется, что это прорыв. Кажется, что я достучалась до них. Хрупкая надежда разгорается в груди.

Может, все будет хорошо. Может, они поймут.

Телефон звонит.

Я смотрю на экран. Андрей.

Беру трубку.

— Да?

— Анастасия. — Голос холодный, натянутый. — Нам нужно поговорить.

— Мы говорим сейчас. Дети здесь.

— Я знаю. Именно поэтому я звоню.

Что-то в его тоне настораживает.

— О чем ты хочешь поговорить?

— О цивилизованном решении вопросов. О детях.

Я слышу что-то на фоне. Голоса. Кто-то еще там.

— Андрей, ты один?

Пауза.

— Нет. Мама со мной.

Конечно. Конечно, она там.

— Тогда давай договоримся о встрече позже. Наедине.

— Зачем? — Другой голос в трубке. Знакомый, острый. Тамара Борисовна. — Чего ты боишься, Анастасия? Что правду услышишь?

Я сжимаю телефон сильнее.

— Уберите ее от телефона.

— Не убирайте! — Голос свекрови звенит. — Дети, вы слышите? Вот она, ваша мать! Не хочет со мной разговаривать, потому что боится!

Я смотрю на детей. Они смотрят на меня. Испуганно, растерянно.

— Я не боюсь, — говорю я холодно. — Я просто не вижу смысла в разговоре с человеком, который манипулирует моими детьми.

— Манипулирую? — Свекровь смеется. — Это ты их двадцать лет манипулировала! Внушала, что отец ничтожество! Что он без тебя никто!

— Это ложь.

— Ложь? А правда в том, что ты выгнала его на улицу без гроша? Что отобрала у него все?

Егор встает.

— Мам, это правда? — спрашивает он, и я не понимаю сразу — меня или в трубку.

— Егор, слушай меня...

Но он подходит к моему телефону, берет его из рук.

— Пап, — говорит он. — Ты там?

— Я здесь, сын, — голос Андрея дрожит.

— Скажи честно. Ты изменял маме?

Тишина. Долгая, мучительная тишина.

— Да, — говорит Андрей наконец. — Да, я изменял.

Егор смотрит на меня. Кивает. Кажется, что он на моей стороне.

Но потом он говорит:

— Папа сделал плохо. Но ты тоже, мам.

Я вздрагиваю.

— Что?

— Ты разрушила семью, — говорит Егор, и голос его звучит... заученно. Как будто он репетировал эти слова. — Папа ошибся, но ты его даже не простила. Не дала шанса. Просто выгнала.

— Егор...

— Ты сильная, — перебивает Лиза. Она тоже подошла к телефону. — Ты справишься.

А папа без нас пропадет.

Мир сужается до их голосов.

Это не может быть правдой.

Это не может происходить.

— Мы решили остаться с папой, — говорит Егор.

Я смотрю на них. На их лица — виноватые, но решительные.

— Что? — Шепот. Я не могу говорить громче.

— Мам, прости, — Лиза плачет. — Но так лучше. Папе сейчас хуже.

— А мне? — Я не узнаю свой голос. — Мне как, по-твоему?

— Ты сильная, — повторяет она, как мантру.

Все внутри меня обрывается.

Я не кричу. Не плачу. Не оправдываюсь.

Просто беру телефон из рук Егора и нажимаю "отбой".

Тишина в квартире.

— Мам... — Егор делает шаг ко мне.

— Собирайте вещи, — говорю я. Голос мертвый, чужой. — Отец придет за вами.

— Мам, пожалуйста...

— Собирайте. Вещи.

Они уходят в свои комнаты. Я слышу, как они открывают шкафы, складывают что-то в сумки. Слышу тихий плач Лизы.

Через двадцать минут звонок в дверь.
Я не открываю. Остаюсь в своей спальне, лежу на кровати, глядя в потолок.
Слышу, как дети открывают дверь. Голос Андрея — тихий, виноватый. Голос Тамары
Борисовны — торжествующий.
Слышу, как они уходят. Шаги по лестнице. Хлопок двери подъезда.
Тишина.
Я лежу и смотрю в белый потолок.
Телефон, выпавший из руки, лежит на ковре.
Тишина.
Впервые за эти дни я не чувствую ничего. Ни боли, ни гнева. Только пустоту.
И холодную, звенящую ясность.
Я поняла: у меня больше нет семьи.
Есть только враги.

Глава 9

Анастасия

Я проснулась в половине шестого утра от того, что кто-то звонил в дверь. Настойчиво, долго, не переставая. Я лежала в постели, не двигаясь, и слушала, как звук сверлит тишину пустой квартиры.

Вчерашний день вернулся ко мне кусками: разговор с детьми, их выбор, голос свекрови, пустота после их ухода. Все это казалось дурным сном, но телефон на прикроватной тумбочке показывал семь пропущенных звонков от Андрея и два сообщения от детей.

Звонок в дверь прекратился. Я встала, подошла к окну, выглянула во двор. У подъезда стояла машина Андрея, а сам он курил возле входной двери, нервно перебирая ключи.

Ключи от нашей квартиры. Которые я забыла у него отобрать.

Я быстро оделась, прошла в прихожую и перекрыла замок цепочкой. Если он попытается войти, то застрянет в дверях.

Я не была готова его видеть. Не сегодня. Не после того, что произошло вчера.

Телефон зазвонил. Андрей.

— Настя, открой дверь. Мне нужно забрать вещи.

— Пришли список. Я соберу, ты заберешь в мое отсутствие.

— Настя, мы должны поговорить.

— Мы уже поговорили. Вчера. При детях. Разговор окончен.

— Послушай, дети... они не поняли ситуацию. Я могу объяснить им...

Я отключила телефон и заблокировала номер. Потом заблокировала номер свекрови. Потом номера детей.

Мир сразу стал тише.

Я прошла в кухню, поставила кофе. Руки дрожали — не от нервов, а от того, что не ела со вчерашнего утра. В холодильнике было пусто, если не считать просроченного йогурта и остатков сыра.

Еда не лезла в горло, но организм требовал топлива. Я заставила себя съесть кусок хлеба с маслом, запила кофе. Вкуса не чувствовала.

В восемь утра зазвонил домофон. Снова Андрей.

— Настя, я не уйду, пока мы не поговорим.

— Тогда стой там до второго пришествия, — ответила я и отключила домофон.

В половине девятого он перестал названивать. Видимо, понял, что я не открою.

Я села за кухонный стол с блокнотом и ручкой. Если мой мир разрушен, то нужно строить новый. Методично, по пунктам, как бизнес-план.

Пункт 1: Юридические вопросы. Ускорить развод, максимально жесткие условия раздела имущества.

Пункт 2: Дети. Они сделали выбор. Принять и отпустить. Никаких попыток вернуть или переубедить. Но перед этим я открыла банковское приложение и перевела Егору и Лизе деньги на личные карты, оплатила их школу и репетиторов на полгода вперед. Написала обоим: «Моя дверь для вас всегда открыта. Я вас люблю и всегда на связи». Я не собиралась с ними воевать, но и бегать за ними, умоляя выбрать меня, не стала. Им нужно время увидеть реальность своими глазами.

Пункт 3: Бизнес. Исключить Андрея из управления агентствами. Сменить все пароли, отозвать доверенности.

Пункт 4: Личная жизнь. Начать с нуля.

Последний пункт я зачеркнула. Не время думать о личной жизни, когда рушится все остальное.

В девять утра позвонила Волкову.

— Станислав Николаевич? Анастасия Покровская. Можно встретиться сегодня? У меня изменилась ситуация.

— Что случилось?

— Дети выбрали отца. Окончательно.

Пауза.

— Понятно. Могу принять вас в час дня.

— Буду.

Следующий звонок — в офис агентства. Секретарь Ольга, которая работала с нами пять лет.

— Оля, это Анастасия Викторовна. Срочно созовите совещание на одиннадцать утра. Все руководители отделов, заместители, главный бухгалтер. Исключительно важное сообщение.

— А Андрей Евгеньевич будет?

— Нет. И никому не звонить ему. Если спросит — скажете, что я запретила.

— Хорошо, Анастасия Викторовна.

Третий звонок — в банк. Менеджер по корпоративным счетам, с которым мы работали три года.

— Елена Михайловна? Анастасия Покровская. Мне нужно заблокировать доступ к корпоративным счетам для второго лица, указанного в доверенности.

— По какой причине?

— Семейные обстоятельства. Документы подъеду подписать сегодня же.

— Понятно. Когда сможете приехать?

— Через час.

К половине десятого список неотложных дел был готов. Я оделась в самый строгий костюм — черный, с высоким воротником, как броня. Минимум косметики, волосы убраны в пучок. Никаких украшений, кроме обручального кольца.

Которое я сняла и положила на кухонный стол. Рука дрожала — всего секунду, но я заметила и сжала пальцы в кулак. Действовать. Главное — действовать. Если остановиться и начать думать — утонешь в боли. Сначала работа, потом чувства. Если они еще останутся.

В банке все прошло быстро. Елена Михайловна была достаточно тактичной, чтобы не задавать лишних вопросов. Я подписала документы, и доступ Андрея к счетам агентств был заблокирован.

— Анастасия Викторовна, — сказала менеджер, когда формальности были закончены, — если можно совет... В таких ситуациях лучше открыть новые счета. На всякий случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.